

нализме Н. Гудмена. Менее выражена связь с классическим сенсуализмом в физикалистских версиях анализа, особенно тяготеющих к холизму (У. Куайн), в которых данная связь иногда совершенно обрывается (Д. Дэвидсон).

ПРЕДЕЛ ОПЫТА

Д. В. Котелевский

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Очевидно, что понятие «опыт» относится к числу ключевых понятий как классической, так и современной философии. Значимость осмысления данного понятия в том, что в настоящее время, как в целом в европейской мысли, так и в частности в новоевропейской науке происходят парадигмальные изменения, которые заставляют переосмыслить все проблемное поле классической мысли и классической науки. В частности переосмысляются такие понятия как «объективность», «научность». На смену классическому типу мышления и классической науке приходят новые формы. Вместе с переосмыслением проблемного поля философии переопределяются и те понятия, которые были очевидными и не проблематизируемыми в классической философии. К числу таких понятий, которые требуют переосмысления, относится и понятие «опыта». Какой же смысл данное понятие имело в классической новоевропейской философии и науке, какой смысл оно имеет в настоящее время и каковы перспективы его существования в будущем?

Обратимся к истории вопроса. В новоевропейской мысли данное понятие формируется в результате развития классической гносеологии и ее проблематики. Основной проблемой классической гносеологии является поиск достоверных оснований познания. Поиск таких достоверных оснований познания приводит к возникновению двух основных направлений классической новоевропейской мысли – эмпиризма и рационализма. Эмпиризм собственно и закладывает основания понимания опыта как центральной категории, обосновывающей достоверность познания как такового как в рамках эмпиризма, так и во всей последующей классической философии и науке. С точки зрения эмпиризма опыт или точнее его воспроизводимость позволяет зафиксировать объективные структуры бытия. Вернее в опыте объективные закономерности бытия как раз проявляются и фиксируются в виде познаваемых законов. Другой вариант поиска достоверных оснований познания

осуществляет рационализм. Рационалисты полагают, что можно не выходя за пределы разума обнаружить таковые. В качестве таковых они признают идеи полностью самоочевидные и простые, существующие одинаковым образом во всех субъектах. Следует отметить, что рационалистам в результате удалось избежать проблем связанных с разной физиологической организацией субъекта. Несмотря на то, что люди устроены по-разному, имеют разное строение тел, познают они мир одинаково именно потому, что идеи как врожденные идеи одинаковым образом присутствуют в сознании всех субъектов. Таким образом, рационалистам вроде бы удавалось решить проблему нахождения единых оснований познания и объяснения сходных форм знания в сознании разных субъектов и в тоже время создать для себя еще одну неразрешимую философскую проблему – кто же вложил в сознание субъектов эти врожденные идеи?

Очевидно, что и эмпиризм и рационализм обладают как некоторыми собственными, так и некоторыми общими недостатками, к которым мы еще обратимся. Так, например, при всей логичности своих рассуждений эмпиризм заключает в себе ряд внутренних парадоксов. В частности, последовательному эмпиристу следовало бы признать, что физиологические особенности каждого субъекта уникальны и потому представление о мире и, следовательно, представление о законах этого мира у разных субъектов различно. Естественно, что эмпиризм избегает подобного утверждения. Очевидно для эмпиризма, что познание, таким образом, отнюдь не сводимо к уникальным особенностям познающего субъекта. С точки зрения эмпириста существует нечто более объективное, чем эта уникальность познающего субъекта, а значит и познание зависит не только от субъекта познания, что логично было бы заключить. По мнению представителей эмпиризма существует объективные характеристики бытия, которые проявляются в конкретном процессе познания, проявляются, в том числе, в объективных характеристиках данного процесса. Эмпиризм в результате исходит из того, что объективные характеристики бытия проявляются в объективных характеристиках процесса познания, тем самым объективность процесса познания основывается на признании объективности самого бытия, устроенного закономерно. Такой вывод, конечно, отнюдь не бесспорен и может быть подвергнут критике. По сути, в конечном итоге эмпиризм не просто соотносит объективность бытийственных и познавательных процессов, но вынужден их в какой-то степени отождествить. То, что имеет место как законы познания или как законы, раскрываемые в процессе познания, признается как проекция объективных законов мира и мир тем самым оказывается в какой-то степени интеллигибельным. Срабатывает принцип

проецирования – мир, признаваемый изначально в качестве объективно закономерного, оказывается наделен смыслом и сознание вынуждено объективность смысла полагать во вне себя, в мир.

С другой стороны рационализм также не лишен противоречий. Во-первых, рационалисты так и не смогли содержательно определить те идеи, которые они полагали в качестве врожденных, разные рационалисты предлагали разный список очевидных идей разума, но то, что казалось очевидным одним рационалистам, другим вовсе таковым не казалось. Во-вторых, для рационалистов невозможно без противоречий оказалось определить характер предметов мира. Либо данные предметы находятся в границах разума, либо за его пределами. В наиболее явной форме данный парадокс проявил себя как парадокс «вещей самих по себе» кантовской философии.

Собственно говоря, недостатки и парадоксы эмпиризма и рационализма множественны и проистекают они в своем большинстве из субъект-объектной модели познания. Сама субъект-объектная модель познания имеет внутренние противоречия и данные противоречия проявляются, в том числе, и как противоречия в попытке осмысления природы опыта. Опыт, казалось бы, нужно мыслить как нечто находящееся за пределами разума, как полагает эмпиризм, но с другой стороны опыт должен неизбежно включать в себя и опыт собственной телесности и опыт собственной мысли, поскольку она тоже часть мира. В результате опыт из внешнего превращается во внутренний. С другой стороны невозможна и попытка свести все только к внутреннему опыту разума, опыт никогда не может быть ограничен только разумом, так как сам разум вынужден признать наличие внешнего по отношению к себе, что только и сделает возможным возвращение к себе и обнаружение собственных оснований. Опять-таки данная логика была реализована в кантовской философии. Тем самым мы видим, что и эмпиризм, и рационализм заключают в себе внутренние противоречия в попытке определить природу опыта и для преодоления данных противоречий нужно выйти за пределы логики субъект-объектной модели познания. Чем же становится опыт в тот момент, когда мы отказываемся от субъект-объектной конструкции?

По всей видимости опыт за пределами своей принадлежности к сфере субъективного или объективного становится принципом удостоверения знания, построенном либо на повторении, либо на удвоении самоочевидного. Опыт в первую очередь надежен и выступает в качестве основания любого знания потому, что он повторим, воспроизводим – таким образом рассуждает эмпирист. Избавившись от всех прочих значений опыта, мы в результате имеем принцип повторимости и воспроизводимости как принцип удостоверения знания в новоевропейской науке. Повторимость в Новое

время становится практически синонимом достоверности знания. Собственно говоря, аналогичная логика срабатывала и в рамках рационалистической схемы рассуждений. Здесь достоверность знания также понимается как его воспроизводство. В отличие от эмпиризма принцип воспроизводства здесь представлен не как повторимость опыта во времени, его тождественность в разное время, а как повторимость и самотождественность той или иной идеи в человеческом уме. В этом акте повторения мысль с одной стороны фиксирует простоту и очевидность той или иной идеи, а с другой стороны ее самотождество в актах представления, то есть опять-таки воспроизводимость, но только в рамках человеческого ума. По своей сути субъект-объектная модель познания представляет собой представление себе своего представления. В акте воспроизводства представления субъект удостоверяет себя как знание, что достаточно ясно показано М. Хайдеггером в его «Европейском нигилизме», вернее в той части работы, что посвящена субъекту Нового времени¹⁸. Для такого субъекта в общем безразлично как удостоверить себя или знание, с которым субъект идентифицирует себя — обращаясь к предметам внешнего мира или к внутренним структурам представления. Если быть точным, то в акте репрезентации достоверность всякой границы внешнего и внутреннего исчезает. Так, положим, познание внутренних структур знания субъекта также требует определенного опыта и потому данный «внутренний» опыт может рассматриваться как имеющий объективную форму, а значит объективно внешний, в смысле отсутствия предзаданности результатов данного опыта.

Некоторым развитием данных представлений является идея «внутреннего опыта», которая в той или иной мере присутствует в мысли разных представителей классической и неклассической философии, здесь уместно упомянуть имена С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Ж. Батай. Основной мотив в переосмыслении опыта заключается в том, что опыт несводим к мысли. Воля, чувственность рассматриваются в качестве таких же оснований и результатов опыта, как и мысль с ее формулировками. Оставив в стороне данный момент в понимании опыта, хотелось бы обратить внимание на вопрос о соотношении опыта и временности.

Именно вопрос о временной структуре опыта является на наш взгляд принципиальным. Для прояснения данного момента целесообразно обратиться идеям Х.–Г. Гадамера и его интерпретации идей Г. Гегеля. Вполне справедливо Гадамер указывает на то, что для того, чтобы опыт имел значение, он должен быть поставлен на определенное место. Это достигается за счет соотносительности опыта и тех или иных представлений. Иначе говоря, опыт либо подтверж-

¹⁸ См.: Хайдеггер М. Ницше. СПб., 2007. Т. 2. Гл. 5.

дает, либо опровергает какие-либо идеи, и тем самым оказывается позитивным или негативным опытом. Эта соотнесенность опыта и представления, опыта и наших ожиданий, субъективного и объективного в опыте Гадамером характеризуется как диалектический опыт. В понятии диалектического опыта также соединяется всеобщее и конкретное, в том виде, как это понимается Гегелем. Осуществляя тот или иной опыт, субъект по мнению Гегеля всегда превосходит или стремится превзойти конкретность опыта и приходит через опыт ко всеобщему знанию. Само же всеобщее знание оказывается у Гегеля внеисторичным, вневременным. А значит опыт – условие достижения абсолютного объективного знания. Нужно заметить, что подобные моменты понимания опыта до сих пор характеризуют способ понимания опыта, задавая способ толкования опыта через соотнесения с осью конкретное-всеобщее. Гадамер здесь замечает: «По Гегелю, впрочем, необходимо, чтобы путь опыта, совершаемого сознанием, привел к такому знанию-себя, которое уже вообще не имеет вне себя ничего другого, чуждого»¹⁹. Впрочем Гадамер отнюдь не сводит диалектический опыт Гегеля только к указанным моментам. Для Гадамера диалектический опыт – это в том числе, то, что раскрывает конечный опыт человеческого бытия, его погруженность в историю и временность. «Опыт означает здесь нечто такое, что относится к исторической сущности человека»²⁰, – фиксирует этот момент Гадамер. А значит опыт в конечном итоге, это опыт человеческой конечности и опытный человек по Гадамеру – это тот, кто помнит об этой конечности. На наш взгляд это принципиальный момент. Новоевропейский способ толкования опыта сводил его к тождеству, к самоидентичности. В результате опыт – это, то, что преподносилось как вневременное по своей сути, опыт понимался как находящийся за пределами временного развертывания. Ведь опыт всегда тождествен себе, подлинный опыт не зависит от времени, а значит естественно полагать, что он равен себе. Это равенство понималось и как равенство конкретных опытов и как равенство всеобщего знания, которое в конечном итоге находит подлинные формы опыта. Данная форма размышлений неизбежно приводила к тому, что допускалась возможность создания какой-то концепции опыта. Но в том-то и дело, что подобный способ понимания опыта имеет централизованный характер, такой взгляд на опыт замыкает различие в рамках тождества и собственно вполне логично, что сам опыт становится некой тождественностью понятийной, либо тождеством опыта сведенного к одной единственной подлинной форме опыта. Естественно, что Гадамер стремится извлечь опыт

¹⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 418.

²⁰ Там же. С. 419.

от возможностей подобного толкования. Если мы признаем, что опыт – это всегда опыт нашей конечности, то вполне логично признать, что конечны как наши конкретные опыты, которые мы совершаем, так и конечны наши представления, которые мы удостоверяем с помощью тех или иных опытов. В гадамеровской терминологии наши наброски, которые мы совершаем по отношению к тем или иным сферам реальности сами имеют конкретный характер и в тоже время проверяются конкретным опытом. Если рассматривать ситуацию под таким углом зрения, то опять-таки вполне логично заключить, что всякого рода иерархические построения на предмет отнесения опыта к сфере конкретного, а мысли к сфере всеобщего разваливаются. И то, и другое – это сфера конкретного, конкретного нетождества форм опыта и представлений. А значит опыт – это, по крайней мере, область отнесения одного конкретного к иному конкретному. Причем в этом соотношении к другому опыт лишает себя тождественности в смысле возможности заключения себя во всеобщее, тем самым опыт демонстрирует свою принципиальную открытость, что, вполне логично, иначе опыт существовал бы никогда и не был бы опытом. Мысль Гадамер, таким образом, можно перефразировать следующим образом, опыт – это всегда опыт другой конечности. Опыт – это предел конечности, опыт всегда на пределе и предел опыта – это всегда опыт. Подобный опыт конечности как справедливо указывает Е. В. Бакеева²¹, исключает возможность построения какой-либо иерархии опыта, все виды опыта оказываются значимы, все оказываются в той или иной степени связаны между собой.

Как пример разрушения иерархичности в понимании опыта и его форм можно привести в пример размышления Л. Витгенштейна, сформулированные им в работе «О достоверности». В этой работе Витгенштейн по сути размышляет о двух конечностях человеческого бытия, о конечности языка и конечности нашего чувственного опыта, а также соотносит эти две конечности между собой. В результате вполне уместно для Витгенштейна возникает вопрос – «каким образом можно говорить о чувственном опыте?» и вытекающие отсюда вопросы – как правильно говорить о чувственном опыте, какие выражение о нем имеют смысл, а какие лишены смысла? Вполне логично он указывает, что некоторые высказывания, которые многие, как например Мур, считали осмысленными, являются бессмысленными, они ничего не значат. Так, положим высказывание «Вот – рука» бессмысленно, так как оно не в состоянии что-либо добавить к уже существующему знанию, потому в отношении данного высказывания бессмысленно задаваться вопросами о его значении. Если возникает сомнение

²¹ См.: ст. Бакеевой Е. В. в данном сборнике.

в том, что это рука, то необходимо выйти за пределы языковой игры и обратиться действительно опыту. Если кто-то сомневается в этом, говорит Витгенштейн, то можно предложить другому человеку подойти поближе, присмотреться лучше и так далее. При всей логичности размышлений Витгенштейна, возникает вопрос о том, действительно ли за пределами языковой игры что-то есть? Собственно говоря, данные проблемы возникают именно в силу того, размышления о двух формах конечности, конечности языковой игры и конечности чувственного опыта в конечном итоге у Витгенштейна сплетаются. Так продолжая размышления Витгенштейна вполне логично ведь предположить, что в определенный момент мы сталкиваемся не с пределами языковой игры, заставляющими обратиться нас к чувственной реальности, а с пределами языковой игры, где сам язык демонстрирует свои пределы. Язык наталкивается на собственные пределы, пределы собственной конструкции и указывает на некий предел, который вовсе не обязательно является внешним, он может быть понят как предел сконструированный изнутри, возникший изнутри некоторой логики. Тогда «вот рука» это и есть предел языковой игры, данный нам то ли чувстве языка, то ли в опыте чувственности. Конечно, такой предел одновременно и внутренний, и внешний и в этом и состоит логика предела. Любая конечность всегда ведет себя таким образом, что с одной стороны она указывает на другую конечность, а с другой демонстрирует сводимость к единичности. Потому конечность всегда одновременно множественна и единична, как и опыт.

Применяя данные идеи к описанию человеческого бытия и опыту телесности, можно сформулировать следующую парадоксальную идею. Человеческое бытие – это опыт конечности постольку, поскольку человеческое тело всегда сталкивается с собственными пределами. В результате опыт можно интерпретировать не как столкновение с чем-то внешним по отношению к человеческому телу, а как его столкновение с самим собой. Здесь логика оказывается аналогична витгенштейновскому случаю, где язык обнаруживает не нечто находящееся за его пределами, а наоборот, язык обнаруживает пределы собственной логики, собственных правил игры, выходя к которым он вынужден признать наличие внутреннего-внешнего предела. Аналогично с телесностью. Возможно первичный опыт конечности нашего тела – это опыт соприкосновения с собой, столкновения с собственными границами. Раз телесный опыт – это опыт столкновения тела с собственными пределами, то тогда и тело, телесность может быть рассмотрена как существующая в единичной форме. Весь мир тогда – это одно наше тело, продолженное, экстерриоризованное и умноженное. Прикасаясь к чему либо, мы прикасаемся к себе, обнаруживаем собственные

границы. Разумеется, это всего лишь одна сторона описания, одна сторона предела. Сам предел всегда неустойчив, неустойчив потому, что всегда смещается, а во-вторых, потому, что никогда не может быть определен как единичный или множественный.

Потому нельзя сказать, что тело существует как единственное, оно всегда сталкивается с иным телом, где это иное может быть тем же или другим телом. Опыт имеет ту же структуру – в опыте мы сталкиваемся с пределами собственного опыта, но сама «собственность» опыта под сомнением, вполне возможно что это опыт иного

Значит сам опыт неустойчив, что вполне соответствует логике дополнения. Лишь тот предел, что сам по себе неустойчив, в какой-то момент развития европейской мысли мог выступить в качестве предела достоверности.

КОНЦЕПЦИЯ ОПЫТА В ИНСТРУМЕНТАЛИЗМЕ ДЖОНА ДЬЮИ

О. Н. Томюк

*старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания
Уральского федерального университета имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина*

Джон Дьюи (1859–1952), американский философ, психолог, педагог, представитель философии прагматизма. Внеся в прагматизм психологический и логический аспекты, он обосновал новое философское направление – инструментализм, или «гуманистический натурализм»: истинность идеи должна измеряться ее эффективным воздействием на практику, а сами идеи суть инструменты решения индивидуальных и социальных проблем.

В феврале–марте 1919 г. Дж. Дьюи был приглашен для чтения лекций в Японском Императорском университете (г. Токио), где попробовал проанализировать реконструкцию идей и способов мышления, происходящую в философии. Почитанные лекции были положены Дж. Дьюи в основу работы «Реконструкция в философии» (1920). Философская реконструкция призвана определить «условия, при которых запасы прошлого опыта и изобретательный практический интеллект, устремленный в будущее, могут эффективно взаимодействовать друг с другом»²². Концепция опыта изложена в таких трудах философа, как «Человеческая природа и поведение» (1922), «Опыт и природа» (1925), «Исследования по логической теории» (1903), «Как мы мыслим» (1916).

²² Дьюи Дж. Реконструкция в философии / пер. с англ. М. Занадворов (введ., гл. 3–8); М. Шиков (гл. 1–2). М.: Логос, 2001. С. 94.